

ФРЕДЕРИК + МАРРИЕТ

ФРЕДЕРИК МАРРИЕТ

# КОРАБЛЬ- ПРИЗРАК

ИЛЛЮСТРАЦИИ  
ВЕНЦЕСЛАВА ЧЕРНЫ,  
БАЦЛАВА ЧУТТЫ



АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)-44  
М 28

Перевод с английского Кирилла Королева  
Руководитель проекта Александр Лютиков  
Иллюстрации Венцеслава Черны и Вацлава Чутты  
Оформление обложки  
Владимира Гусакова и Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-15898-6

© К. М. Королев, перевод, 2019  
© Издание на русском языке,  
оформление.  
ООО «Издательская Группа  
„Азбука-Аттикус“, 2019  
Издательство АЗБУКА®



## Глава 1

Приблизительно в середине семнадцатого столетия на окраине крохотного, но укрепленного городка Тернез<sup>1</sup>, расположенного на правом берегу Шельды, почти напротив острова Вальхерен, можно было увидеть стоявший впереди редких и еще более неказистых построек маленький, но опрятный домик, сложенный в полном соответствии со вкусами тогдашнего времени. Фасад его сколько-то лет назад раскрасили в сочный оранжевый цвет, а окна и ставни были раньше ярко-зелеными. Футах в трех над поверхностью земли стены этого домика украшала плитка и синее чередовалось с белым. Вокруг располагался небольшой сад, около двух рудов<sup>2</sup> площадью, если мерить нашими мерками, а вдоль садовых деревьев шла низкая живая изгородь из бирючины, окруженная канавой — полной воды и слишком широкой, чтобы с легкостью ее перепрыгнуть. Там, где канава подступала к фасаду, через нее перебросили узкий мостик с узорчатыми железными перилами, дабы гости ненароком не упали в воду. Впрочем, цвета, некогда столь яркие и свежие, давно поблекли, а признаки неизбежного обветшания можно было разглядеть в оконных рамах, дверных косяках и прочих деревянных частях строения, а многие плитки, как белые, так и синие, повыпадали, и никто не

---

<sup>1</sup> Так у автора. Правильно — Тернёзен. — *Здесь и далее примеч. перев.*

<sup>2</sup> Руд — единица площади в английской системе мер; 2 руда составляют около 2,1 м<sup>2</sup>.

спешил заполнить бреши. Прежде дом явно окружали заботой, а ныне, что представлялось столь же очевидным, он пребывал в небрежении.

Внутри дома, на нижнем этаже и наверху, имелось по две большие комнаты в передней части и по две меньшие в задней, причем большие комнаты могли считаться таковыми лишь в сравнении с малыми, ибо каждая была от силы в дюжину футов площадью и с одним-единственным окном. Верхний этаж, как положено, отводился под спальни; внизу малые комнаты теперь использовались в качестве помывочной и кладовки для хвороста, а одну из больших приспособили под кухню и обставили поставцами, с полок которых сверкала, будто ее посеребрили, металлическая кухонная утварь. Само помещение выглядело дочиста выскобленным, но мебель и утварь оставляли ощущение запущенности. Доски пола слепили белизной и казались на удивление светлыми — ступить боязно, того и гляди запачкаешь. Крепкий сосновый стол, два стула с деревянными сиденьями и маленькая кушетка, очевидно спущенная сюда из спальни наверху, — вот и вся мебель, что составляла обстановку комнаты. Другая передняя комната на этаже служила гостиной, но каково было ее убранство, оставалось неизвестным, ибо вот уже почти семнадцать лет туда никто не заглядывал, и весь этот срок комната была наглухо заперта, даже от обитателей жилища.

В кухне, которую мы описали выше, находились двое людей. Женщине, по всей видимости, совсем недавно перевалило за сорок, но тяготы и муки ее преждевременно состарили. Прежде она явно поражала красотой, о чем все еще можно было судить по правильным чертам лица, благородному челу и большим темным глазам, но в ее облике просматривались усталость и угнетенность, придававшие коже восковую прозрачность; лоб, когда она размышляла, бороздили глубокие морщины, точно у древней старухи, а лихо-

радочный блеск глаз поневоле заставлял порой усомниться в ее душевном здоровье. Чудилось, что внутри нее поселилась и не желает уходить некая безнадежная тоска, ни на мгновение не исчезающая из памяти; пожалуй, от этого бремени страданий избавиться могла только смерть. На женщине был вдовый наряд, принятый в ту пору, и эти одежды, чистые и опрятные, смотрелись ветхими от долгого ношения. Она сидела на кушетке, о которой уже говорилось, и никто бы не усомнился в том, что эта поза приносит ей облегчение в ее болезненном состоянии.

На сосновом столе посреди комнаты устроился цветущего вида светловолосый юноша лет девятнадцати или двадцати. Черты его были приятными глазу, телосложение — крепким, а движения — порывистыми; взгляд выражал отвагу и решимость. Он беззаботно болтал ногами и громко насвистывал песенку. Всякий сразу угадал бы в нем дерзкую, предприимчивую и бесшабашную натуру.

— Не уходи в море, Филипп!<sup>1</sup> Пообещай, что не уйдешь, мой ненаглядный сын! — взмолилась женщина, заламывая руки.

— Почему же нет, матушка? — отозвался Филипп. — Чего ради мне оставаться тут? Чтобы голодать? Клянусь Небесами, мне это не с руки. Я должен позаботиться о себе и о тебе. И чем еще мне заняться? Мой дядя ван Бреннен предложил отплыть с ним и посулил неплохое жалованье. На борту я буду счастлив, а моих доходов хватит, чтобы обеспечить тебя.

— Филипп... Послушай меня, Филипп. Я умру, если ты уйдешь. На всем белом свете у меня не осталось никого, кроме тебя. Дитя мое, если любишь меня — а я знаю, Филипп, что ты меня любишь, — не уходи. Уж коли тебе так нужно уйти, прошу, подумай хорошенько и не выбирай море.

---

<sup>1</sup> В германских языках, в отличие от романских и славянских, второе «п» в этом имени отсутствует.



Филип ответил не сразу: он продолжал насвистывать, куда его мать плакала.

— Не в том ли дело, — сказал он в конце концов, — что мой отец утонул в море? Не потому ли ты так опечалена, матушка?

— Нет! Нет! — вскричала женщина сквозь рыдания. — Лишь Господу...

— О чем ты, матушка?

— О, ни о чем, ни о чем. Но пощади меня, Господи, будь милосерден! — Мать Филипа неуклюже соскользнула с кушетки на пол, встала на колени и принялась истово молиться.

Потом она столь же неловко села обратно, и ее лицо теперь выражало решимость.

Филип, все это время задумчиво молчавший, вновь обратился к матери:

— Послушай, матушка. Ты просишь меня остаться с тобой на берегу и голодать. Это суровый выбор. Вот что я скажу. Та комната напротив заперта, сколько я себя помню, а почему — ты никогда мне не рассказывала. Но однажды я подслушал, как ты говорила... Тогда у нас не было даже хлеба, на возвращение дяди рассчитывать не приходилось, и ты впала в почти беспросветное отчаяние, как с тобою порой случается...

— Что ты услышал от меня, Филип? — прервала его мать, и ее голос дрогнул от волнения.

— Ты говорила, матушка, что в той комнате лежат деньги и они спасли бы нас, а потом вдруг заголосила, стала бесноваться и выкрикнула, что скорее предпочтешь смерть. Итак, матушка, что таится в этой комнате и почему она заперта так давно? Либо открой мне эту тайну, либо я уйду в море.

На первых словах сына женщина словно одеревенела, замерла в неподвижности, будто превратившись в статую,

но постепенно ее губы разошлись, глаза засверкали. Чудилось, что дар речи ее покинул; она прижала ладонь к правому боку, как бы подавляя боль, затем стиснула обе ладони, явно сиюсь справиться с нестерпимой мукой. А потом вдруг обмякла, уронила голову, и из уголка ее рта потекла струйка крови.

Филип соскочил со стола и, кинувшись к матери, не позволил ей упасть на пол. Он уложил мать на кушетку и встревоженно вгляделся в ее лицо.

— Матушка! Что с тобой, матушка? — воскликнул он, явно не находя себе места от беспокойства.

Некоторое время женщина не отвечала. Она перевернулась на бок, чтобы не задохнуться, если хлынет наружу содержимое треснувшего сосуда<sup>1</sup>, и белоснежные доски пола окрасились алым от ее крови.

— Милая матушка, поговори со мною, если можешь! — вскричал в смятении Филип. — Как мне быть? Чем тебе помочь? Боже всемогущий, да что же это?!

— Смерть, дитя мое, смерть, — выдавила наконец бедная женщина и погрузилась в полузабытье.

Филип, вне себя от страха, выбежал из дому и стал звать на помощь соседей. Двое или трое откликнулись на его призыв; едва Филип увидел, что они приступили к заботам о его матери, как опрометью бросился к дому врача, жившего на расстоянии около мили. Этот минхеер Путс, алчный и битый жизнью коротышка, славился своими познаниями в медицине. Филип добежал до дома Путса и с порога потребовал, чтобы врач немедленно отправился с ним.

— Иду, иду, — проворчал Путс, который скверно говорил на местном наречии, — но скажите-ка, минхеер Вандердекен, кто мне заплатит?

---

<sup>1</sup> Поэтический образ рвоты.



— Кто заплатит? Да мой дядя, конечно же, когда вернется домой!

— Значит, ваш дядя, шкипер ван Бреннен? Между прочим, он задолжал мне четыре гульдена, давненько уже задолжал. А что, если его корабль затонул?

— Заплатит он вам ваши четыре гульдена, и за эти услуги тоже заплатит! — процедил Филип в ярости. — Идемте! Пока вы со мною препираетесь, моя мать умирает!

— Увы, господин Филип, я вспомнил, что не могу пойти с вами. Мне нужно навестить сына бургомистра в Тернезе, — сказал Путс.

— Послушайте, минхеер Путс! — вскричал багровый от гнева Филип. — Сами решайте, пойдете вы добровольно или я вас отволоку ко мне домой! Со мною ваши штучки не пройдут!

Путс заметно струхнул, ведь нрав Филипа Вандердекена был хорошо известен.

— Я загляну к вам, когда смогу, минхеер Филип.

— Вы идете со мной прямо сейчас, старый хапуга! — рявкнул Филип, схватил врача за шиворот и потащил наружу.

— Убивают! Помогите! — завопил, болтая ногами в воздухе, Путс, не в силах вырваться из хватки крепкого молодого человека.

Филип остановился, заметив, что лицо Путса почернело от удушья.

— Мне вас силком волочь или сами пойдете? Уж поверьте, я вас доставлю куда надо, живым или мертвым!

— Ладно, ладно, — пробурчал Путс, переводя дух. — Я пойду, но вот вы сегодня же окажетесь в тюрьме, а что до вашей матери, минхеер Филип, я бы не рассчитывал... нет, не рассчитывал...

— Знаете что, минхеер Путс? Господом Богом клянусь, коли вы со мною не пойдете, я вас задушю прямо тут. А если не позаботитесь, как должно, о моей матушке, я вас прибую.

Понятно? Вы ведь знаете, я всегда держу слово, так что мой вам совет: ступайте со мной подобру-поздорову, и вам наверняка заплатят, причем немало, даже если мне придется продать последнюю одежду.

Пожалуй, эти слова Филипа действовали сильнее, чем все угрозы. Путс, убогий коротышка, никак не мог мериться силой с молодым человеком. Дом его стоял в уединении, посему уповать на чью-либо помощь он мог разве что в сотне ярдов от жилища Вандердекенов. Потому минхеер Путс благоразумно решил подчиниться: во-первых, Филип обещал заплатить, а во-вторых, деваться все равно было некуда.

Словом, когда дела уладились таким образом, Филип и минхеер Путс со всей поспешностью двинулись к дому Вандердекенов. Матушка Филипа была еще жива, и заботливые соседки смачивали ей виски уксусом, чтобы облегчить страдания. Она находилась в сознании, однако язык ей не повиновался. Путс велел перенести ее наверх и положить на кровать, потом влил в горло страждущей какой-то целебный настой, после чего поманил за собой Филипа и сказал, что приготовит необходимое лекарство.

— Вот, минхеер Филип, — вернувшись к себе, он вручил молодому человеку флакон, — это ваша матушка должна выпить. Я же отправляюсь к бургомистру, а на обратном пути снова вас проведу.

— Не вздумайте меня обмануть, — сурово произнес Филип.

— Нет, что вы, минхеер Филип! На вашего дядю ван Бреннена в том, что касается оплаты, я не рассчитываю, но вы-то пообещали, а ваше слово крепкое, это всем известно. Через час я навещу вашу матушку, а вам следует поторопиться.

Филип не стал медлить. Вернувшись домой, он дал матери лекарство, и кровотечение прекратилось, а спустя полчаса мать уже начала разговаривать, пускай шепотом. Ко-

ротышка-доктор пришел, как и договаривались, тщательно осмотрел больную, а затем спустился вниз, на кухню, где ждал сын вдовы Вандердекен.

— Минхеер Филип... — начал Путс. — Аллах свидетель, я сделал все, что было в моих силах, но должен признаться, что не питаю особых надежд на исцеление вашей матушки. Боюсь, она протянет еще денек-другой, но не дольше, и вряд ли поднимется с постели. Это не моя вина, минхеер, — прибавил он понуро.

— Понимаю. Такова воля Небес, — отозвался Филип с печалью в голосе.

— Вы заплатите мне, минхеер Вандердекен? — уточнил врач после недолгого молчания.

— Конечно, — прорычал Филип, и вид у него был такой, словно юношу вдруг вырвали из забытья.

Врач снова помолчал и спросил:

— Мне зайти завтра, минхеер Филип? Мои услуги стоят гульден в день. Сами понимаете, вам же лучше расплатиться поскорее.

— Приходите завтра, в любое время, и назначайте любую цену — вам заплатят, — проронил Филип, презрительно скривив губы.

— Что ж, как скажете. Когда ваша матушка преставится, этот дом и вся обстановка отойдут вам и вы сможете все продать. Да, я приду. У вас будет много денег, минхеер Филип. Я бы охотно снял ваш домик, если надумаете его сдавать.

Филип вскинул руку, словно намереваясь ударить коротышку, и врач отпрянул в угол.

— Ну да, сперва надо будет похоронить вашу матушку, — льстиво произнес Путс.

— Убирайтесь, вы, ничтожество! — воскликнул Филип, прижимая ладони к лицу, и опустился на залитую кровью кушетку.



Немногим позже Филип Вандердекен сидел подле кровати, на которой лежала его матушка. Ей стало заметно лучше, и соседки, у которых было довольно собственных дел, оставили мать наедине с сыном. Обессиленная кровоточением, несчастная женщина проспала много часов подряд, но даже во сне не выпускала руку Филипа, который тоскливо следил за прерывистым дыханием матери.

Вдова очнулась ото сна около часа ночи. К тому времени она обрела достаточно сил для того, чтобы возвысить голос, упавший до шепота, и обратилась к сыну:

— О, мой дорогой, мой нетерпеливый мальчик, неужели я обрекла тебя на долгое заточение?

— Я сам так решил, матушка. Не желаю тебя оставлять до тех пор, покуда ты не выздоровеешь.

— Увы, Филип, я знаю, что обречена. Я чувствую близость смерти, и поверь, сынок, когда бы не ты, я бы с радостью покинула этот мир. Ведь я умираю уже давно, Филип, и с давних пор молюсь о смерти.

— Почему же, матушка? — спросил Филип прямо. — Неужто я настолько тебя обидел?

— Вовсе нет, сынок, вовсе нет. Я благодарю Господа, что Он ниспослал мне тебя. Я часто видела, как ты смиряешь свой буйный нрав, как обуздываешь даже праведный гнев, чтобы не ранить мои чувства. Я твердо знаю, что и голод не убедит тебя послушаться материнских наставлений. Филип, ты, верно, считаешь меня глупой или думаешь, будто я обезумела, раз продолжаю упорствовать... Но я скажу это снова, без обиняков...

Вдова повернула голову, помолчала какое-то время, а затем, словно набравшись сил, заговорила вновь:

— Наверное, я и вправду порою лишалась разума... Разве не так, Филип? Одному Господу ведомо, что за тайну я храню в своем сердце, и эта тайна свела бы с ума кого угодно. Она изводит меня ночью и днем, она изнуряет мой дух,

она затемняет мои мысли... Но теперь, хвала Небесам, брени-  
ная оболочка надо мною более не властна! Удар нанесен,  
Филип, я знаю это наверняка. Я бы рассказала тебе все, но  
не могу, ибо тогда и твой разум окажется в опасности.

— Матушка, — ровным голосом произнес Филип, — за-  
клиная, поведай мне эту убийственную тайну. Пусть за нею  
таятся псы преисподней или весь ангельский сонм — мне  
все равно. Небеса меня не покарают, а сатаны я не стра-  
шусь.

— Твой дух, Филип, крепок, а твой разум силен. Что ж,  
если кому и суждено перенять у меня это бремя, то это ты.  
К несчастью, сама я с ним не справилась, но, быть может,  
тебе ноша будет по плечу. Да, долг велит мне наконец-то  
открыться тебе.

Вдова умолкла, явно обдумывая то, что столь долго скры-  
вала от сына. По ее впалым щекам струились слезы. Потом  
она как будто набралась решимости и принудила себя ска-  
зать:

— Филип, я поведаю тебе о твоём отце. Считается, что он  
утонул в море...

— Разве нет, матушка? — изумился Филип.

— Нет, сынок.

— Но ведь он давно мертв, матушка?

— Нет. Да... И нет... — Вдова закрыла глаза.

«Бредит», — подумалось Филипу, но юноша не уни-  
мался:

— Так что с моим отцом, матушка?

Вдова приподнялась, по ее телу волной пробежала дрожь,  
и она ответила:

— Филип, он осужден пожизненно!

Бедная женщина откинулась на подушку и накрыла го-  
лову одеялом, будто норовя спрятаться от собственных вос-  
поминаний. Филип же был настолько потрясен услышан-  
ным, что не находил слов. Несколько минут царил мол-



чание, а затем, не в силах долее терпеть эту муку, Филип прошептал:

— Матушка, открой же мне тайну, молю тебя!

— Я готова все тебе рассказать, Филип. — Голос вдовы сделался торжественным. — Слушай же меня, дитя мое. Твой отец был схож с тобою нравом. Да будет его горькая участь уроком тебе, мой милый мальчик! Он был смелым и дерзким, многие называли его отменным моряком. Родился он не здесь, а в Амстердаме, но оставаться там не мог, ибо хранил верность католической вере<sup>1</sup>. Тебе известно, Филип, что голландцы сделались еретиками и осуждают нашу веру. Минуло уже семнадцать лет или больше, как он отплыл в Индию на своем отличном корабле «Амстердамец» с ценным грузом на борту. Это было его третье плавание в Индию, Филип, и, если бы Господь попустил, оно должно было стать последним, ибо он купил этот отличный корабль на часть своих доходов и очередное плавание обещало сделать его богачом. О, сколь часто мы с ним говорили о том, чем он займется по возвращении! И эти наши общие надежды на будущее примиряли меня с его отсутствием, ведь я любила его всем сердцем, Филип. Он всегда был со мною добр и ласков, а когда уходил в море, я не переставала молиться о том, чтобы он вернулся. Никому не пожелаю того жребия, какой выпадает женам моряков! Они многие месяцы тоскуют в одиночестве, глядят на пламя свечи, слушают вой ветра за окном, страшась беды и воли случая, воображая крушение и свое вдовство. Твой отец, Филип, отсутствовал уже полгода, и оставался еще целый долгий и скорбный год до срока, когда он должен был вернуться. Как-то

---

<sup>1</sup> Кальвинизм, одно из направлений протестантской веры, начал распространяться в Нидерландах с середины XVI века. К концу этого столетия тогдашние Нидерланды фактически разделились на две части — южную католическую (где и располагался городок Тернёзен) и северную протестантскую, с центром в Амстердаме.

ночью ты, мой мальчик, крепко спал. Ты был моим единственным утешением, отрадой в моем одиночестве. Я смотрела, как ты спишь, как улыбаешься во сне и бормочешь мое имя... Я поцеловала тебя, сонного, а потом встала на колени и принялась молиться, просила Господа благословить тебя и твоего отца. Я и не подозревала тогда, что он проклят навеки и зло простерло над ним свои крылья.

Вдова перевела дух. Филип потрясенно внимал, не замечая, что рот его сам собой приоткрылся. Он не сводил глаз с матери и жадно впитывал ее слова.

— Я оставила тебя и спустилась вниз, в ту самую комнату, Филип, что с той жуткой ночи наглухо заперта. Я села к столу и стала читать. Задувал сильный ветер, а в такую погоду женам моряков не спится, уж поверь. Полночь миновала, лил дождь... Меня одолевал беспричинный страх, и я никак не могла успокоиться. Я встала, окунула палец в чашку со святой водой и перекрестилась. Свирепый порыв ветра сотряс весь дом, и мне сделалось страшнее прежнего. Душа моя терзалась жуткими, недобрыми предчувствиями. Тут вдруг внутренние ставни и окна разом распахнулись, свеча погасла, и я очутилась в полнейшей темноте. Я вскрикнула от испуга, но потом собрала все свое мужество и двинулась к окну, чтобы его закрыть. В тот миг, Филип, я увидела человека, медленно входящего в дом. Это был твой отец, сынок, твой отец!

— Боже милосердный! — выдавил Филип, и голос его был чуть громче шепота.

— Я не знала, что и думать... Он вошел в комнату. Тьма не отступала, однако я различала его фигуру и лицо отчетливо, как среди бела дня. Страх побуждал меня пятиться... А сердце звало обнять любимого мужа... Я замерла там, где стояла, растерянная и перепуганная. Стоило ему войти в комнату, как окна и ставни закрылись сами собой, а свеча

снова загорелась. Тогда я решила, что вижу призрака, и лишилась чувств.

Очнувшись, я поняла, что лежу на кушетке, а чья-то нестерпимо холодная и мокрая рука сжимает мои пальцы. Это меня почему-то приободрило, и я выбросила из головы все те потусторонние знаки, что сопровождали появление твоего отца. Я вообразила, что он потерпел крушение, но все-таки выжил и сумел добраться до дома. Я открыла глаза, увидела своего ненаглядного мужа и кинулась в его объятия. Его одежда насквозь промокла под дождем. Мне показалось, будто я обнимаю льдину, но ничто, Филип, ничто не способно справиться с жаром женской любви. Он позволил себя обнять, но не приласкал меня в ответ. Он молчал, только смотрел на меня — тоскливо и задумчиво.

«Виллем! — позвала я. — Виллем! Виллем Вандердекен, поговори со своей милой Катериной!»

«Да будет так, — откликнулся он, — ибо мне отпущен малый срок».

«Нет-нет, не уходи от меня опять в свое море. Пускай ты лишился корабля, но сам-то цел! Разве ты не вернулся ко мне?»

«Нет, жена. Выслушай и не перебивай, у меня мало времени. Мой корабль невредим, Катерина, зато сам я попал в беду. Не говори ничего, просто слушай. Я не мертв, но и не жив. Отныне я обречен скитаться между этим миром и обителью духов. Вот как все было.

Девять долгих недель я пытался обмануть ветра и обойти треклятый мыс Доброй Надежды, но все было напрасно, и оставалось только клясть судьбу. Еще девять недель я боролся с встречными ветрами и течениями, но земля не показывалась, и тогда я пустился кощунствовать. О, сколь кощунственным, сколь богохульным было мое сквернословие! Но я не отступался. Моя команда, изнуренная голодом



и тяготами, хотела вернуться в Столовую бухту, но я отказывался. Более того, я совершил убийство, пусть непреднамеренно, но я убил человека. Лоцман выступил против меня и подговорил матросов напасть на капитана. Одержимый яростью, я ударил его, когда он схватил меня за воротник. Он отшатнулся, а корабль в этот миг вдруг повело в сторону, и лоцман свалился за борт и утонул. Даже эта нелепая и страшная смерть меня не вразумила, я поклялся частицей Святого Креста, что заключена в ладанке на твоей шее, что превзойду в упорстве все на свете бури и моря, все молнии, сами Небеса и преисподнюю, пускай мне придется торить путь да самого светопреставления!

Словно в ответ на мою клятву, прогремел гром, а с небес пролился сернистый огонь. Буря налетела на корабль, разрывая паруса в клочья, водяные валы обрушились на палубу, а вокруг внезапно сгустился непроглядный мрак, что окутал нас саваном, и среди этого мрака вдруг вспыхнула огненная надпись: „До самого светопреставления!“

Послушай меня, Катерина, время мое на исходе. Еще есть крохотная надежда на избавление, именно поэтому мне позволили прийти сюда. Вот, возьми письмо. — Он положил на стол запечатанный пакет. — Прочти его, милая Катерина, и помоги мне, если сможешь. Прочти письмо и прощай — время вышло».

Окно и ставни вновь распахнулись, свеча вновь погасла, и смутный силуэт моего мужа как бы воспарил в наступившей темноте. Я вскочила, бросилась к нему с распростертыми руками, отчаянно закричала, а едва различимая фигура выплыла в окно, и мой воспаленный взор бессильно следил за тем, как она мчится прочь, гонимая порывами ветра. Наконец она превратилась в точку, а затем и вовсе исчезла. Окно захлопнулось, пламя свечи вспыхнуло, и я поняла, что осталась одна.

— Небо, смилуйся надо мною! О моя голова! Филип! Филип! — вскричала бедная женщина. — Не бросай меня! Молю, не бросай меня одну!

Выкрикивая все это, она ухитрилась подняться с постели, а затем упала без сил на подставленные руки сына. В таком положении бедняжка пребывала несколько минут. Обеспокоенный ее долгой неподвижностью, Филип бережно опустил тело матери на кровать. Ее голова запрокинулась, глаза закатились, и вдова Вандердекен покинула сей мир.





## Глава 2

Филип Вандердекен, юноша, крепкий телом и духом, едва не лишился чувств, когда понял, что душа его матери отлетела в горние выси. Некоторое время он сидел возле кровати, вперив взор в неподвижное тело, и его разум блуждал где-то далеко. Постепенно он пришел в себя, встал, поправил подушку, закрыл матери глаза, а потом стиснул руки, по его щекам побежали скупые мужские слезы. Он запечатлел прощальный поцелуй на бледном лбу уснувшей и задернул прикроватную занавеску.

— Бедная моя матушка! — произнес он скорбно, покончив с этим. — Вот, душа твоя все же обрела покой... Но сколь горькое наследство ты мне оставила!

Мысли Филипа обратились к материнскому рассказу, и он вновь и вновь перебирал в смятенном уме жуткие картины, какие рисовало ему воображение. Юноша изо всех сил сдвигал ладонями виски и постарался успокоить мятущийся разум, дабы решить, что надлежит делать. Он чувствовал, что оплакивать утрату некогда. Да, матушка обрела покой, но какова участь отца?

Филип припомнил слова матери: «Еще есть крохотная надежда». Что же, отец оставил письмо на столе. Быть может, оно до сих пор там, в запертой комнате? Наверное, его никто не трогал, матушке не хватило смелости к нему прикоснуться. В этом письме таится какая-то надежда, однако оно лежит нераспечатанным более семнадцати лет!

Филип Вандердекен твердо решил, что проникнет в злополучную комнату. Так он, по крайней мере, узнает все до конца. Идти сейчас или подождать до утра? И где взять ключ?

Взгляд юноши упал на высокий лакированный шкаф в японском стиле<sup>1</sup>. Мать никогда не открывала этот шкаф в его присутствии; скорее всего, ключ спрятан именно там.

Приступив к действиям, Филип взял свечу и приблизился к шкафу. Тот не был заперт, дверцы распахнулись, и юноша принялся изучать содержимое, выдвигая ящик за ящиком. Увы, сколько Филип ни искал, ключа не попадалось, все ящики были пусты.

Юноше пришло в голову, что в шкафу может быть тайник, и он потратил некоторое время на тщетные поиски. В конце концов он вытащил все ящики до единого, свалил их на пол, приподнял шкаф и потряс. Что-то приглушенно звякнуло; очевидно, это был искомый ключ. Филип возобновил поиски, но все его старания оказались безуспешными.

За окном уже рассвело, а Филип все не прекращал своих усилий. Он надумал снять заднюю стенку шкафа, спустился в кухню и вернулся, держа в руках молоток и нож. Встав на колени, он взялся было отдирать стенку, но тут на его плечо опустилась чья-то рука.

Филип вздрогнул: он настолько погрузился в работу, а мысли его были до того взбудоражены, что он не слышал звука шагов. Вскинув голову, он увидел перед собой отца Сейзена, священника их маленького прихода; тот пристально смотрел на юношу.

---

<sup>1</sup> Такая мебель с черной «лаковой» отделкой (на основе смолы) копировала японскую технику украшения посуды и стала появляться в Европе в XVII столетии; вообще, из описания обстановки следует, что семья Вандердекен знавала лучшие времена.

По всей видимости, соседи известили пастыря о при-  
скорбном недомогании вдовы Вандердекен и он поспешил  
с утра навестить страждущую и предложить ей утешение.

— Что же, сын мой, — произнес священник, — разве ты  
не опасаясь нарушить шумом покой своей матери? И при-  
стало ли тебе рыться в родительском добре, когда твоя ма-  
тушка еще не сошла в могилу?

— Поверьте, святой отец, покой моей матушки уже не  
нарушить, — ответил Филип, вставая, — ибо ныне она пре-  
бывает среди блаженных. И я вовсе не роюсь в родитель-  
ских закромах. Я ищу не золото, хотя, найдись оно, всякое  
золото теперь мое. Я ищу ключ, спрятанный давным-давно.  
Наверное, его поместили в тайный ящик, добраться до ко-  
торого выше моих сил и навыков.

— Значит, твоя матушка отошла в лучший мир? Она не  
успела причаститься даров нашей святейшей церкви? По-  
чему ты не послал за мной?

— Святой отец, она умерла неожиданно, совсем не ожи-  
данно, прямо на моих руках, всего часа два назад. Я не стра-  
шусь за ее душу, хотя и сожалею, что вас не было рядом  
в тот скорбный миг.

Священник осторожно отодвинул прикроватную занавеску и обозрел тело. Затем окропил смертное ложе святой  
водой, и губы его зашевелились — он читал про себя заупо-  
койную молитву. Потом пастырь повернулся к Филипу:

— Так что же побудило тебя заняться поисками? Какая  
важность заключается в этом ключе, что ты кинулся его  
искать? Сыну, чья мать только что скончалась, надлежит  
оплакивать свою утрату и молиться о спасении ее души. Но  
твои глаза сухи, и ты занят недостойными поисками, хо-  
тя сие брэнное тело еще толком не остыло! Ты ведешь себя  
скверно, Филип. Зачем тебе понадобился ключ?

— Отец, мне некогда проливать слезы, некогда скорбеть  
и причитать. У меня много дел, и о многом нужно пораз-



мыслить, а мыслей столько, что голова их не вмещает. Вы знаете, что я любил свою матушку.

— Что за ключ, Филипп?

— Отец, это ключ от комнаты, что была наглухо заперта много-много лет. Я должен, я просто обязан ее открыть. Даже если...

— Продолжай, сын мой!

— Я собирался сказать то, чего говорить не следует. Простите меня, святой отец. Поверьте, я должен попасть в эту комнату.

— Я давно знаю об этой комнате, сын мой, и твоя мать не пожелала раскрывать причину, по которой та заперта, хотя я спрашивал прямо. Когда же, как требует от меня мой сан, я стал настаивать на ответе, выяснилось, что ее разум находится в полном смятении, поэтому я прекратил дальнейшие попытки. Сдается мне, душу твоей матушки обременял некий тяжкий груз, но она не захотела исповедаться в этом и поделиться со мною своими тяготами. Скажи, успела ли она поведать тебе этот секрет перед смертью?

— Да, святой отец.

— Не станет ли тебе легче, если ты доверишься мне, сын мой? Я могу что-то посоветовать, подсказать...

— Отец, я бы с радостью поделился с вами и попросил вашего совета. Мне ведомо, что вы спрашиваете не из пустого любопытства, что вами движут забота и сострадание. Но то, о чем мы говорим, еще покрыто мраком неизвестности. Сам не знаю, есть ли в той комнате хоть что-то, или это плод воображения моей несчастной матушки. Если там что-либо найдется, я охотно поделюсь с вами своим открытием, и полагаю, что вы вряд ли меня за это поблагодарите. Пока же я предпочту хранить молчание, ибо сказать мне нечего. С вашего позволения, я переступлю порог проклятой комнаты в одиночку.

— Ты не боишься?

— Отец, я ничего не боюсь. Мне выпало отдать долг... Да, это горькая обязанность, но прошу вас, не расспрашивайте меня далее. Как и моя бедная матушка, я чувствую, что рана, колы ее беречь, болит вдвое сильнее.

Священник пылливо взглянул на Филипа и понял, что мысли того блуждают где-то далеко, ибо взгляд у юноши был отсутствующий, а лицо сделалось каким-то пустым и отстраненным. Отец Сейзен отвернулся и покачал головой.

«Он прав, — подумал Филип, снова оставшись в одиночестве. Юноша поднял шкаф и поставил на место. — Несколько часов дела не спасут. Нужно прилечь, а то голова идет кругом».

Филип прошел в соседнюю комнату, бросился на кровать и спустя несколько минут заснул; сон его был так же крепок, каков бывает сон осужденного за несколько часов до казни.

Пока он спал, в дом пришли соседи, которые приготовили все необходимое для погребения вдовы. Они старались не шуметь, дабы не разбудить Филипа, ибо священен сон человека, которому предстоит проснуться в скорби. Среди прочих вскоре после полудня явился и минхеер Путс: его уже известили о смерти вдовы, но, располагая временем, он решил все же заглянуть к Вандердекенам в надежде присовокупить лишний гульден к причитавшейся ему плате. Сперва он прошел в ту комнату, где лежало тело усопшей, а оттуда направился к Филипу и осторожно тронул юношу за плечо.

Филип проснулся, сел на кровати — и увидел перед собой врача.

— Что ж, минхеер Вандердекен, — начал бесчувственный коротышка, — раз уж все кончено, как я вас и предупреждал, позволю напомнить, что вы задолжали мне два



гульдена и обещали расплатиться. Вместе с лекарством получится три с половиной гульдена — это при условии, что вы вернете мне флакон.

Юноша, который спросонья плохо соображал, наконец пришел в себя.

— Вы получите свои три с половиной гульдена и флакон, минхеер Путс, — холодно ответил он, вставая с постели.

— Да-да, я знаю, что вы расплатитесь, если сможете. Но послушайте, минхеер Филип, наверняка пройдет какое-то время, прежде чем вы продадите дом. Покупателя найти не так-то просто. Меня никто не упрекнет в том, что я донимаю людей, у которых нет денег, потому давайте поступим вот как. На шее вашей матушки кое-что висит. Эта вещица лишена ценности для всякого, кто не является добрым католиком. Я готов пойти вам навстречу и забрать эту безделицу. Тогда мы будем в расчете. Вы со мною расплатитесь, и все останутся довольны.

Филип слушал спокойно. Он знал, чего вождедеет этот крохобор — реликвии на шее его покойной матушки, той самой реликвии, на которой его отец принес роковую клятву. Расстаться с нею юноша не согласился бы и за миллионы гульденов.

— Убирайтесь! — отрезал он. — Чтобы духу вашего здесь не было. Свои деньги вы получите.

Минхеер Путс отлично знал, что квадратная ладанка чистого золота стоит гораздо дороже, чем он запрашивал с Филипа; знал он и то, что сможет выручить немалые деньги за саму реликвию — в ту пору подобные святыни ценились весьма высоко, и он не сомневался, что сумеет неплохо на ней нажиться. Искушаемый блеском золота, он отважился войти в чертог смерти, сорвать ладанку с шеи покойницы и спрятать у себя за пазухой. Теперь же он сказал:

— Я делаю вам щедрое предложение, минхеер Филип, и лучше бы вы его приняли. Кто еще польстится на такую ерунду?

— Сказал же — нет, — процедил разгневанный Филип.

— Тогда, с вашего разрешения, я возьму эту вещьцу и придержу ее у себя до уплаты долга, минхеер Вандердекен. Это будет честно, я же должен обеспечить оплату. Когда принесете мне три с половиной гульдена и флакон, я все вам верну.

Филип больше не владел собой. Он схватил Путса за шиворот и вытолкал из дома:

— Прочь, сквалыга! Иначе я...

Озвучивать угрозу до конца не пришлось: лекарь настолько перепугался, что кубарем скатился по ступенькам крыльца и поковылял через мостик. Он даже пожалел, что присвоил себе ладанку, но необходимость убегать лишила его возможности — хотя бы и возникло у него такое желание — положить ладанку на мертвое тело.

Эта беседа, вполне естественно, заставила Филипа задуматься о реликвии, и юноша направился в комнату матери, чтобы забрать ладанку. Он отодвинул занавеску, взглянул на тело, протянул руку, чтобы развязать черную ленту... Ладанки не было.

— Пропала! — воскликнул Филип. — Соседи не посмели бы притронуться к ней. Это наверняка злодей Путс! Но я верну украденное, даже если он его проглотил! Голыми руками разорву!

Филип сбежал по лестнице, выскочил из дому, одним прыжком преодолел канаву и, как был, без шляпы и куртки, помчался к уединенному жилищу медикуса. Соседи глядели ему вслед, когда он проносился мимо, точно порыв ветра, гадали, куда он бежит, и укоризненно качали головами.

Тем временем минхеер Путс успел одолеть не более половины расстояния до своего дома, поскольку у него болела лодыжка. Предчувствуя неприятности, если обнаружится пропажа ладанки, нечистый на руку врачеватель то и дело оглядывался — и, к своему несказанному ужасу, наконец заметил Филипа Вандердекена: тот был далеко, но неотвратно приближался.

Перепугавшийся до смерти вор впал в совершенную растерянность, не зная, что ему делать; остановиться и вернуть украденное было его первым побуждением, но страх перед разъяренным Вандердекемом заставил его припустить вперед изо всех сил. Он рассчитывал добраться до дома, запересться внутри и таким манером сохранить за собой похищенное — или хотя бы выторговать некие условия возвращения вещицы хозяину.

Бежать следовало как можно быстрее, что минхеер Путс и сделал — понесся изо всех сил, перебирая тоненькими ножками, но Филип, заметив, что коротышка припустил, и окончательно убедившись в виновности Путса, тоже прибавил шаг — и начал мало-помалу нагонять свою добычу.

Ярдах в ста от заветной двери спасительного дома минхеер Путс расслышал за спиной поступь Филипа, и это заставило вора удвоить усилия. Между тем шум погони становился все громче, слышалось уже бурное дыхание преследователя, и Путс завизжал от страха, точно заяц в пасти гончей.

Теперь Филипа отделяло от него не больше ярда; юноша вытянул было руку, намереваясь схватить обидчика, но тот вдруг повалился наземь, скованный страхом, а Филип, не сумев уклониться, врезался в него, взмахнул руками в тщетной попытке устоять на ногах, упал и покатился по земле. Эта незадача спасла вороватого доктора: в мгновение ока он вскочил и, петляя по-заячьи, метнулся вперед, ворвался в дом и захлопнул дверь прямо перед Вандердекемом.



Филип, однако, не собирался сдаваться. Тяжело дыша, юноша огляделся по сторонам в поисках подручного средства, которое поможет ему вернуть похищенное. Увы, Путс, живший уединенно, позаботился о том, чтобы принять все меры предосторожности против грабителей: нижние окна были прикрыты толстыми ставнями, а верхние располагались слишком высоко для того, чтобы попасть в дом через них.

Здесь нужно сказать, что минхеер Путс славился в окрестностях как умелый врач, однако все местные давно признали его жестокосердным и бесчувственным скрягой. Он никого не приглашал к себе в дом — да никто и не стремился туда попасть. Коротышка жил на отшибе и чурался человеческого общества, выходя на люди только для того, чтобы навестить больного или засвидетельствовать смерть. Никто не знал, как он управляется по хозяйству.

Когда лекарь поселился в этих краях, всех, кому требовалась его помощь, встречала в дверях дряхлая старушка, но потом она умерла, и с тех самых пор минхеер Путс принимал страждущих самостоятельно, если был дома; если же он отсутствовал, стучать в дверь можно было сколько угодно — она оставалась закрытой. Тогда среди местных разошлось мнение, что врач живет совсем один, будучи чересчур прижимистым для найма прислуги. Филип это знал. Перевея дух, он стал прикидывать, как проникнуть в дом коротышки — и не просто вернуть украденную собственность, а еще жестоко отомстить.

Дверь выглядела внушительно, было понятно, что ее не сокрушить ни камнями, ни палками, что попадались на глаза Вандердекену. Юноша размышлял несколько минут, и размышления эти остудили его ярость; он решил, что достаточно будет просто вернуть похищенное, обойдясь без насилия. Поэтому он крикнул:

— Минхеер Путс! Знаю, вы меня слышите! Отдайте то, что забрали, и я не причиню вам вреда! А если откаже-

тесъ, то заплатите сполна — я не уйду отсюда с пустыми руками!

Лекарь действительно слышал Вандердекена. К этому времени минхеер Путс успел оправиться от приступа животного страха, убедился, что ему ничто не угрожает, и теперь гадал, как быть. Все внутри него противилось побуждению возвратить похищенную вещицу хозяину. Поэтому скряга не ответил; он надеялся, истощив терпение Филипа, за скромную сумму в несколько гульденов — и того довольно для человека, столь стесненного в обстоятельствах, как молодой Вандердекен, — оставить при себе чужое имущество, которое навверняка можно продать задорого.

Поняв, что ответа ждать не приходится, Филип грязно выругался, а затем начал действовать, вполне обдуманно и хладнокровно.

Неподалеку от дома врача высился стог сена, а у стены лежала вязанка хвороста на растопку. Вандердекен вознамерился поджечь дом врача: даже если он не вернет реликвию, то хотя бы утолит жажду мести.

Он принес несколько охапок сена, сложил у входной двери, а сверху набросал сучьев, и скоро дверь совершенно скрылась под ними. Затем он высек искру кресалом — всякий голландец носит при себе огниво и трут, — и пламя быстро занялось. Клубы дыма потянулись к стропилам, а внизу бушевал огонь. Дверь загорелась, пламя запылало пуще прежнего, и Филип завопил от радости, восхищенный успехом своей затеи.

— Вот тебе, жалкий обиратель мертвых! Вот тебе, бесчестный вор! Познай мою месть! — вскричал юноша. — Внутри тебе не отсидеться, ты сгоришь вместе с домом! А если попытаешься сбежать, то умрешь от моей руки! Минхеер Путс, отзовитесь!

Едва Филип умолк, распахнулось окно верхнего этажа, самое дальнее от двери.



— Ага! Вздумал молить о пощаде? Ну уж нет... — Тут голос юноши пресекался, ибо ему почудилось, что в окне появился призрак.

Вместо гадкого коротышки-врача, которого ожидал увидеть, он узрел прекраснейшую деву, истинное чудо природы, ангельское создание лет шестнадцати или семнадцати. Дева эта не выказывала ни малейших признаков беспокойства, несмотря на опасность, грозившую дому. Ее длинные черные волосы, расчесанные надвое и заплетенные, очерчивали красиво посаженную головку; большие глаза глядели пристально, но не требовательно; высокий белый лоб, ямочка на подбородке, томный изгиб алых губ, тонкий и прямой нос... Филип осознал, что в жизни не видывал и не мог вообразить лица прекраснее; оно напоминало творения величайших художников, которым порой случается превзойти самих себя в изображении возвышенной святости. Да и дева, у стен дома которой бушевало пламя, а вокруг окна клубился дым, выглядела так, словно была стойкой мученицей, взошедшей на костер.

— Чего вы желаете, неугомонный юноша? Чем досадили вам обитатели этого дома, что вы хотите предать их смерти? — спросила девушка.

Мгновение-другое Филип попросту на нее глазел, не находя слов, а потом вдруг спохватился: выходит, в своей жажде мести он намерен погубить такую красоту! Юноша забыл обо всем, кроме той опасности, что угрожала девушке. Он схватил огромный сук, который раньше собирался бросить в пламя, и принялся расшвыривать во все стороны горящий хворост. Наконец не осталось ничего, разве что дверь продолжала тлеть, но она была из толстых дубовых досок и не понесла сильного урона. Вскоре Филип затушил уголья, засыпав их землей и оставив безобидно дымиться. Пока он все это совершал, девушка сверху наблюдала за ним в молчании.

— Теперь вы в безопасности, юная госпожа, — крикнул Филип. — Да простит мне Господь, что я покусился на жизнь такой красавицы. Я лишь хотел отомстить минхееру Путсу.

— Чем же заслужил ваше возмездие минхеер Путс? — бесстрастно осведомилась девушка.

— Чем заслужил, госпожа? Он явился в мой дом, ограбил покойницу, забрал с тела моей усопшей матушки бесценную реликвию!

— Ограбил покойницу?! Нет, он не мог так поступить! Вы наверняка ошибаетесь, юноша.

— Увы, госпожа, я хотел бы ошибиться. Эта реликвия очень для меня важна, я должен ее вернуть. Вы даже не подозреваете, сколь она ценна.

— Подождите, — попросила девушка. — Я скоро ворочусь.

Филип прождал несколько минут, продолжая безмолвно восхищаться. Подумать только, такая красота в доме минхеера Путса! Кто же она? Из фантазий его вырвал звонкий голосок предмета грез: девушка вновь появилась в окне, и теперь в ее руке была ладанка с черными завязками, та самая, за которой Филип пришел сюда.

— Вот ваша реликвия, минхеер, — произнесла девушка. — Мне искренне жаль, что мой отец совершил постыдное деяние, которое вызвало ваш праведный гнев. Возьмите. — Она уронила ладанку на землю под окном. — Теперь вы можете уйти.

— Ваш отец? Госпожа, да как он может быть вашим отцом? — воскликнул Филип, даже не потрудившись подобрать ладанку, лежавшую у его ног.

Девушка молча отвернулась и вознамерилась скрыться из виду, но Филип взмолился:

— Погодите, госпожа! Позвольте мне извиниться за мое буйное и глупое поведение. Клянусь этой святой реликви-

ей, — тут он наклонился, поднял ладанку с земли и поднес к губам, — будь мне ведомо, что в этом доме находится кто-то невинный, я бы ни за что не стал устраивать пожар, и сердце мое сейчас полно радости, ибо урон не был причинен. Госпожа, нужно открыть дверь и потушить косяк, иначе дом еще может сгореть дотла. Не бойтесь за своего отца, ведь, даже нанеси он мне тысячекратно больший вред, одно ваше присутствие служит залогом того, что с его головы и волосок не упадет. Он знаком со мною достаточно хорошо, чтобы знать, что я всегда держу слово. Позвольте починить то, что я повредил, а потом я уйду.

— Не верь ему, дочь! — подал голос минхеер Путс из глубин дома.

— Думаю, ему можно верить, — возразила девушка, — да и услуги его нам необходимы, ибо тут не справятся ни мои слабые женские руки, ни твои, отец, что еще слабее. Открой дверь и позволь ему нам помочь. — Затем она обратилась к Филипу: — Он сейчас откроет дверь, минхеер. Благодарю вас за помощь и вверяю себя вашим заботам.

— Госпожа, никто не упрекнет меня в том, что я хоть раз в жизни нарушил данное слово, — ответил Филип. — Скажите отцу поторопиться, не то пламя разгорится снова.

Минхеер Путс дрожащими руками открыл дверь и торопливо скрылся наверху. Сразу стало ясно, что Филип говорил чистую правду. Юноше пришлось натаскать немало ведер с водой, прежде чем погас последний уголек. Пока он сражался с огнем, ни девушка, ни ее отец не показывались.

Покончив с делом, Филип притворил дверь и вновь поднял взгляд к окну наверху. Красавица не замедлила выглянуть, и Филип, низко поклонившись, заверил ее, что опасности больше нет.

— Благодарю вас, минхеер, — сказала девушка, — от всей души благодарю. Поначалу вы вели себя неразумно, но потом оказались весьма любезны.

— Прошу, госпожа, передайте вашему отцу, что всякая вражда между нами забыта. Через несколько дней я занесу ему то, что задолжал.

Окно закрылось, и Филип, по-прежнему возбужденный, но уже по иной причине, нежели та, что привела его сюда, направился в обратный путь к своему дому, метнув напоследок прощальный взгляд наверх.





## Глава 3

Появление у минхеера Путса красавицы-дочери изрядно воодушевило Филипа Вандердекена, и теперь у него имелся лишний повод испытывать сильные чувства — в дополнение ко всем тем, что ранее его одолевали. Юноша вернулся домой, поднялся наверх и бросился на кровать, с которой поднял его утром минхеер Путс. Сперва он вспоминал описанные выше события и рисовал в воображении портрет девушки: ее глаза, черты лица, звонкий голосок, мысленно повторял слова, которые она произносила, но очень скоро эту приятную картину вытеснили иные образы — тело матери, лежащее в соседней комнате, и отцовская тайна, спрятанная в запертом помещении внизу.

Похороны назначили на следующий день, и Филип, которому после встречи с дочерью минхеера Путса проникновение в запертую комнату уже не казалось делом неотложной важности, решил не возобновлять поиски ключа до завершения печальной церемонии. На этом он и заснул, утомленный душою и телом, и сон его не прерывался вплоть до нового утра, когда священник позвал юношу помогать при проведении погребального обряда. Через час все было кончено, соседи разошлись, и Филип, очутившись дома, запер дверь на засов, чтобы никто ему не помешал. Он даже радовался, что остался один.

Есть такое особое свойство человеческой натуры; оно проявляется, когда мы приходим туда, где недавно властвовала

**Марриет Ф.**

М 28 Корабль-призрак : роман / Фредерик Марриет ; пер. с англ. К. Королева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 512 с. : ил. ISBN 978-5-389-15898-6

«Корабль-призрак» (1837–1839) английского писателя, морского офицера и путешественника, классика приключенческой прозы Фредерика Марриета, прославившегося под псевдонимом Капитан Марриет, — едва ли не самая известная литературная вариация старинной легенды о «Летучем голландце», таинственном парусном судне без экипажа, которое столетиями блуждает по океанским просторам, никогда не приставая к берегу и наводя ужас на мореплавателей. Главному герою романа, молодому моряку Филипу Вандердекену, предстоит снять страшное заклятие со своего отца-капитана, который некогда опрометчиво дал роковой обет на священной реликвии, а потом, находясь в плавании, в минуту отчаяния возвел хулу на Господа Бога и тем обрек себя и свою команду на вечные скитания, — однако сделать это оказывается совсем не просто... Роман печатается в новом, полном переводе; в издание включены полные комплекты иллюстраций к книге Марриета, созданных замечательными чешскими художниками Венцеславом Черны и Вацлавом Чуттой и ранее не публиковавшихся в России.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ФРЕДЕРИК МАРРИЕТ  
**КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК**

Ответственный редактор Сергей Антонов  
Художественный редактор Сергей Шикин  
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова  
Технический редактор Татьяна Раткевич  
Корректоры Татьяна Бородулина, Елена Шнитникова  
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.03.2019. Формат издания 70 × 100 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 32.

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —  
обладатель товарного знака АЗБУКА®  
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1  
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»  
в Санкт-Петербурге  
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А  
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»  
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua  
Отпечатано в типографии «ПНБ ПРИНТ» (SIA «PNB Print»)  
«Янсили», Силакрогс, Ропажский район, Латвия, LV-2133  
www.pnbprint.eu

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»  
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19  
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»  
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60  
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»  
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:  
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества  
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new\_authors/



A-BNK-24308-01-R